

УДК 101.1:316.622

Социальные типы личности в транзитивном обществе

С. Н. Ярёмченко, Т. А. Бондаренко, Е. Г. Курова

(Донской государственный технический университет)

Анализируются социокультурные и социально-психологические особенности личности транзитивного общества. Рассматривается влияние таких детерминант, как апатия и смыслоутрата, на поведение человека. Представлены характеристики «человека массового», «человека отдыхающего», «человека парадоксального».

Ключевые слова: смысл жизни, апатия, конформизм, социальный тип личности.

Введение. Для характеристики современного общества кроме известных дефиниций – информационное, постиндустриальное, рыночное — используются и другие актуальные определения, как, например, транзитивное, модернизирующееся, инновационное, рискогенное, знаниевое.

Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, расширились возможности для достижения профессиональных и личностных высот, а с другой — постоянные изменения вызывают у значительной части населения отторжение императивов, требующих от человека одновременно творческих способностей и ответственных действий. Переход к глобализационной цивилизации заставляет человека жить и работать в условиях повседневного риска, принимать самостоятельные решения, быть готовым к перемене места жительства, своей профессии, изменению ценностных ориентиров.

Трансформации, ставшие перманентными, осложняют жизнедеятельность индивида, живущего в переходном обществе, затрудняют его самореализацию и самоидентификацию, несмотря на имеющийся веер возможностей выбора и почти безграничные условия для мобильности в сравнении с предшествующим периодом развития. От человека требуются весьма незаурядные способности, относящиеся не только к его интеллектуальной сфере, но и волевой, эмоциональной, мотивационной и т. д., чтобы он мог осуществить свои жизненные цели и быть полноправным гражданином.

Часть населения, в том числе российского, удовлетворяется наличными условиями бытия ради сохранения своего положения. Она не обращает внимания на происходящие события в своей стране и в мире, не проявляет интереса к будущему, пассивна по отношению к избирательным кампаниям.

Таким образом, актуальность темы имеет не только теоретический смысл, обращая внимание на кризис идентичности личности, имеющей тенденцию вырасти до масштабной социальной проблемы, но и практический. Анализ социальных типов личности в транзитивном обществе имеет выход в прикладную социальную науку, поскольку расширяет возможности разработки управленческих методов, направленных на повышение функциональности современных социальных институтов, локализацию девиации.

Классификация различных типов личности. Данная классификация является научной проблемой, которая находится в стадии разработки современной гуманитарной мыслью. Известные типологизации личности, представленные А. Адлером, Т. Одорно, Э. Фроммом, Д. Рисманом, раскрывают личность в контексте социального характера, формирующегося в результате взаимодействия социально-экономических, политических и культурных факторов. Эти факторы приводят к формированию социальных черт личности, позволяющих раскрыть в ней наиболее существенное. Задача данной статьи — выявление социокультурных детерминант формирования социальных типов личности в переходный период и анализ конкретных форм проявления её деструктивности.

Методологическим посылом служит понимание того, что социально-типические черты личности, являясь проекцией социального, преодолевают границы индивидуальности. Но в то же время доминирование социального над индивидуальным не может нивелировать индивидуальность, заглушить её голос в ансамбле устойчивых социальных качеств.

Отсутствие социального смысла, разрушение ценностной парадигмы является той доминирующей причиной, которая влечёт за собой тип пассивного реагирования человека на происходящее. Апатия становится способом адаптации в транзитивном обществе, временной передышкой на пути перманентных трансформаций. Ощущение своей незначительности и незащищённости рождает комплекс «маленького человека» в условиях всё большей атомизации общества и накапливает у населения отрицательную энергию, способную привести к ломке сложившихся структур общества. Поэтому так необходим вдумчивый анализ социально-психологических и социокультурных качеств личности, живущей в современном обществе, в котором преобладает неопределённость, ощущение неясной опасности, страх перед будущим, нагнетаемый современными СМИ, отсутствие веры в возможность что-то изменить в лучшую сторону.

Оборотной стороной смыслоутраты является апатичное и конформистское поведение человека. Конформизм означает некритичное приятие индивидом существующих норм, правил, ценностей. Пассивное, апатичное согласие с преобладающими в обществе установками и стереотипами обусловлено давлением на личность ближайшего и дальнего окружения, доминирующей субкультуры, к которой человек принадлежит. Ещё А. де Токвиль высказал мысль о наличии в обществе так называемого «демократического деспотизма», заставляющего личность жертвовать каждый день частицей своей свободы для государства, подчиняться требованиям любого государственного служащего. В самом деле, в современном обществе индивиду очень трудно противиться установленным предписаниям, так как они настолько инкорпорированы в его сознание, что индивидуальность человека, его идентичность растворяется во множестве общественных характеристик, таких как этнос, нация, статус, социальная группа, место жительства, гендер и т. п. В формировании конформистского поведения главная роль сегодня принадлежит СМИ, которые, используя различные манипулятивные технологии, способны сформировать тип сознания по требованию заказчика.

Конформистский тип личности включает в себя такие черты, как стандартность мышления, желание быть «как все», страх изоляции от группы членства, покорность властям, бездумное подчинение авторитетам. Естественно, что формирование конформистского поведения зависит от таких особенностей личности, как уровень образованности, степень развитости волевых качеств, направленности, а также широты и глубины мышления, креативности. Конформизм является фундаментальной социально-психологической основой для манипуляции сознанием людей. Групповое давление оказывает мощное влияние на обезличение обывателя, подчиняет индивида потребительским стимулам.

Конформистски настроенный человек следует распространённому в современном обществе стереотипу о том, что духовные цели и смыслы — это лишь самообман, а на самом деле люди работают лишь потому, что им нужны деньги, чтобы стать богаче. «...На самом деле между финансовым благополучием и счастьем очень низкая корреляция. Я знаю весьма обеспеченных и в то же время подавленных и беспокойных людей, отнюдь не чувствующих себя в безопасности. Но у меня же есть и друзья, являющиеся по западным меркам бедными людьми, с трудом сводящими концы с концами и живущими на случайные заработки, однако именно <они> — самые счастливые, доброжелательные и любящие люди, которых я знаю» [1, с. 113—114]. Таким людям это удалось, потому что они смогли вырваться из ловушек потребительского общества, внушающих человеку, что его благополучие напрямую зависит от количества покупок, следовательно, от количества денег.

Одним из самых мощных инструментов формирования конформистских настроений масс являются финансовые институты общества. Абстракция денег и финансовых инструментов сформировала у массового человека уверенность в ценности денег самих по себе, вне зависимости от способа их заработка.

Р. К. Мертон пишет, что «...деньги считаются самоценными независимо от того, используются ли они для потребления или же для увеличения могущества. Особенно хорошо деньги приспособлены для того, чтобы стать символом престижа. Как подчёркивал Зиммель, они в высшей степени абстрактны и безличны. Независимо от того, добыты ли они законным или же незаконным путём, деньги могут быть использованы для приобретения одних и тех же товаров и услуг. Анонимность городского общества в сочетании с этими особенностями денег позволяют богатству, источники которого могут быть известны или не известны сообществу, в котором живёт плутократ, со временем очищаться и служить символом высокого положения... В этой череде меняющихся стандартов нет ничего стабильного и неподвижного» [2, с. 121].

Несмотря на то, что массовое общество стремится к конформизму, переживая чувство апатии, к деньгам оно не испытывает безразличия. Произошёл перенос цели жизни и реальных желаний на обладание чистой абстракцией — деньгами. Это сфера экономической жизни поглотила цель, смысл и интерес существования огромного большинства населения, даже не задумывающегося о том, что представляют собой деньги и для чего общество однажды изобрело их.

Таким образом, в современном обществе сложилась уникальная ситуация, которой не было ни в одну эпоху человеческой истории: переизбыток товаров массового потребления. Как следствие этого — появились люди, получающие удовольствие от самого процесса покупки. Современное потребление приобретает форму аддикции. Для человека, страдающего ониоманией, или навязчивой идеей покупать, товары теряют собственную значимость и становятся лишь инструментом вхождения и причастности к некой общественной группе. Человеческое счастье ставится в зависимость от уровня потребления, которое становится целью и смыслом жизни. Оно подменяет собой такие истинные смыслы жизни человека, как самореализация своих творческих способностей, создание и сохранение семьи, нравственное воспитание детей. Появляется стремление игнорировать духовные ценности, если они находятся вне рынка.

Современный западный или российский молодой человек не является независимым от общественного мнения. Молодёжь не нигилистична, а, напротив, кругом повязана путами социальных условностей и стереотипов. Место нравственных норм и правил поведения в современности заняли буквальные стереотипы поведения. Подобные отношения не являются и не могут быть культурными скрепами общества, так как они изначально безжизненны, сиюминутны и локальны.

Кроме осознанного выбора конформистского поведения как удобного, люди сегодня часто просто вынуждены вести себя так, а не иначе. Любой «выбор средств достижения культурных целей ограничивается институционализированными нормами» [2, с. 119]. Человек — это существо, успешно ориентирующееся внутри социальных структур, но не создающее их. Общество же, формируя структуры, опирается на способности восприятия этих структур единичными людьми. Общество, формируясь на основе ритуала, часто забывает, зачем создан тот или иной культ (примером могут служить многие наши религиозные праздники). Первоначальные цели забываются, и сильная приверженность институционально предписанному поведению становится предметом ритуала. Основной ценностью становится абсолютная конформность.

Безусловным источником конформизма, апатии и их последствий является замеченное ещё Х. Ортега-и-Гассетом «омассовление» общества. К. Леви-Стросс поддерживает мысль Х. Ортега-и-Гассета, утверждая в одном из интервью, что «...человечество приобретает всё больше и больше антигуманную тенденцию и становится враждебным по отношению к самому себе, становится своим собственным врагом» [3, с. 73].

Апатичное социально-психологическое состояние массового человека выражается в безразличном отношении к своему существованию, проявляющемся в формальном соблюдении социальных норм — социальном конформизме. В определённом смысле иллюстрацией такого безразличного отношения к происходящему вокруг является поведение героя всемирно знаменитой повести французского писателя и философа А. Камю «Посторонний». Герой повести — Мерсо — не стремится оправдаться перед людьми за свои мысли, поступки, как это обычно бывает в случае обвинения. Он умирает с сознанием собственной правоты, которая заключается в утверждении бессмыслицы жизни, её абсурдности. Лишь смерть является неотразимым фактом, лежащим в её основе, по мысли Мерсо, и в этом трагический удел человека, над которым Мерсо не может подняться. Не зная цели, он слоняется, бредёт по жизни и то ли в дрёме, то ли наяву совершает преступление — убийство незнакомого человека, араба. Но он не понимает содеянного и не ощущает меру ответственности.

Философия «постороннего» — это философия о начале конца, о том, что бесполезно искать причины плохой жизни, потому что каждому уготован свой, небольшой фрагмент земли. «Если не я, то кто же!» — этот девиз не для постороннего, он требует активности, оптимизма и любви к другим.

По мнению исследователя феномена массовой культуры А. В. Костиной, «в отличие от высокой культуры, сущность массовой культуры состоит не в творческой деятельности, не в производстве культурных ценностей, а в формировании „ценностных ориентаций“, соответствующих характеру господствующих общественных отношений, и выработке стереотипов массового сознания членов „потребительского общества“» [4, с. 88].

Конформизм оправдывается психологами и социологами, опирающимися на понимание человека как социобиологического существа. Причём биологическое начало ставится на первое место. В таком случае социум воспринимается по-фрейдистски, т. е. как репрессивный институт, подавляющий инстинкты и свободу личности, которая призвана максимально адаптироваться в своей среде, т. е. стремиться к конформности.

В бихевиоризме приветствуется точка зрения восприятия индивида как адекватно воспринимающего ситуацию и хорошо адаптированного в своём окружении члена общества. Но такая личность склонна к ценностям стабильности и безопасности, т. е., согласно В. Г. Федотовой, ценностям, которые «вообще не ценности, а условия адаптации, обрезающие высшие уровни общественного существования — постановку целей, социальную дифференциацию и интеграцию, выработку культурных образцов» [5, с. 9].

Конформизм также сформировался и как ответ на потерю культурной идентичности в процессе модернизации, т. е. в процессе имплантации экзогенных технологий, норм поведения, целей и стилей жизни. Как отмечал Э. Фромм, «потеря собственной сущности превращает конформизацию в императив: человек может быть уверен в себе лишь в том случае, если живёт в соответствии с ожиданиями других. Если мы живём не по общепринятому сценарию, то рискуем не только вызвать неодобрение и возросшую изоляцию, но и потерять уверенность в своей сущности, что угрожает психическому здоровью» [6, с. 212]. Таким общепринятым сценарием для россиянина стал западный образ жизни.

Теоретически открытое общество должно обеспечивать человеку всестороннее, свободное и творческое развитие своей индивидуальности. Не так происходит в реальности. Как оказалось, открытое общество в большей степени обеспечивает свободу не человеку массы, а человеку властной элиты.

Право человека на свободу слова превращается в свою противоположность, когда гражданин говорит о своих проблемах, но власть, используя бюрократические инструменты защиты — инструкции, непонятные массовому человеку, — стремится закрыть каналы доступа к ней.

Конформизм в российском обществе вызван культом успеха, имплантированным в нашу культуру с помощью средств массовой информации. Успех перестал рассматриваться как результат реализации своих способностей, а превратился в цель, ради которой можно забыть и о самоактуализации. Перенесённая на российскую почву ценность успеха как цель деятельности человека, вступила в конфликт с традиционной российской моралью. Испытывающие когнитивный дискомфорт люди находят выход из психологической фрустрации в ослаблении какой-либо когниции, сводя в целом всё своё существование к адаптации.

Конформизм активно поддерживается и формируется институтами государства с помощью манипулятивных технологий управления массами, подмены понятия «смысл жизни» понятием «успех», постоянной рекламой внешности, стиля жизни. Все манипулятивные методики направлены на сужение сознания у индивида. Узость сознания, с одной стороны, формируется с помощью средств массовой информации, с другой стороны, обеспечивает власти реализацию более успешной манипуляции массами, т. к. человек с ограниченным мировоззрением не склонен к интерпретации получаемой информации, не способен «читать между строк», размышлять над происходящими событиями. Подобная установка массового человека способствует принятию им конформизма как единственно возможного образа жизни и формированию эрзац-ценностей, понимаемых как здравый смысл. Одним из наиболее исследованных социальной философией конформистских типов является «массовый человек» — извне ориентированная личность. Проблема массового человека стала актуальной в XX веке в связи со становлением массового общества, в котором преобладают производственные и потребительские процессы. Основой для «омассовления» условий и форм жизнедеятельности стали унифицированные коммуникации различных видов, сравнительно высокие стандарты условий труда, потребления, видов досуга, широкие возможности территориальной мобильности. Человек такого общества стал предметом внимания различных философских направлений и школ, показавших, что массовый человек стал реальностью этого мира.

Представления о массовом человеке XX века можно охарактеризовать как эволюцию от резко критических суждений до позитивистских. Основные положения и выводы о человеке толпы, о массовой душе достаточно известны. Многочисленные концепции массового человека при всём их различии сформировали аргументированную познавательную модель, обладающую большой объяснительной силой. Я. Буркхардт, Г. Лебон, Г. Тард, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, Д. Рисмен, Г. Маркезе, Г. Блумер, Э. Шилз, С. Московичи и др. создали социокультурный и социально-психологический габитус массового человека, живущего в постиндустриальном обществе, которому свойственны постоянные трансформации — от локальных до глобальных.

Массовая культура XXI века делает распространённым тип инфантильного человека, которого сегодня называют человеком «отдыхающим», человеком «прогуливающимся» [4, с. 46]. Такой турист сосредоточен на поисках необычного, он не обременяет себя поисками смысла и смотрит на жизнь как на экран телевизора, стремясь разнообразить свою жизнь впечатлениями и расширением круга знакомств, не обязывающих к постоянству отношений [4, с. 46]. Как отмечает исследовательница массовой культуры информационного общества А. В. Костина, юношеский культ физической активности, отсутствие привычки обсуждать проблемы, страсть к развлечениям, увеличению свободного времени, к одежде, к танцам становятся характерными и для людей зрелого возраста. В то же время молодёжь проявляет всё большее равнодушие к политике, отходит от ответственности, великих идей, страдает социальной разобщённостью и тотальным конформизмом [4, с. 43]. Никакие социальные потрясения не вызывают у неё сочувствия, не фиксируются чётко в сознании и не мешают спокойно делать карьеру, удовлетворяться «статусом кво».

Интересную концепцию современного массового человека излагает А. Н. Шишминцев в своей монографии «Философское постижение современного массового человека». Его концепция базируется на такой методологической посылке, как двойственность и противоречивость челове-

ческой природы. С этой позиции массовый человек выступает как идеальный антропологический тип, как одна из ипостасей современного человека, в то время как другой его ипостасью является человек элиты. Точно так же творчество и сама жизнь элиты, как и сотни лет назад, зависит от труда, веры и чувств человека массы. В то же время современный массовый человек отличается, как показывает автор, от массового человека доиндустриальных обществ по ряду социокультурных характеристик. Если олицетворением первого был крестьянин с непритязательным образом жизни, не работающий только во время сна, то современный массовый человек порождён научно-техническим прогрессом, рациональным планированием и тесно связан с высоко производительной техникой, умеет пользоваться знаниями и информацией.

Массовый человек соткан из противоречий. Его сущность отличается двуликостью: открытостью и незавершённостью, разнообразием и непостоянством. В нём есть устремление к свободе, равенству, осмысленному существованию и в то же время он бежит от свободы, которая накладывает бремя ответственности. Современный тип массового человека — это тип человека-функции, выполняющего определённую роль во всеобщем механизме обеспечения массового существования. Это обезличенный индивид, функционер, который легко может быть заменён другим [7, с. 30]. Такой человек живёт сиюминутными, материальными интересами, он работает в соответствии с имеющимися правилами, установленными социальными институтами, и переходит от производства к потреблению, от потребления к отдыху, от одной роли к другой. Вопрос о смысле жизни и вообще рефлексия на эту тему для такого человека неактуальна и непонятна. «Торжествует жизненный принцип: ни одно желание, ни одно побуждение не может быть постыдным» [7, с. 40].

Если для массового человека прошлого основной жизненной задачей было спасение своей бессмертной души, то современный массовый человек заботится в основном о получении земных благ и забывает о необходимости использовать имеющиеся возможности для активной самостоятельной душевной жизни, для освоения высших достижений человеческой культуры.

Однако негативные черты массового человека могут быть нивелированы, сведены к минимуму, а некоторые отрицательные наклонности даже могут превратиться в позитивные. Так, если бы массовый человек, как считает исследователь, внимал только голосу разума, а не полагался на чувства и веру в мифические идеалы, то вряд ли он смог бы преодолевать тернии истории с её войнами, катастрофами, революциями и идти дальше, проявляя смелость и доверие к голосу элитного меньшинства, ведущего за собой массы. А. Н. Шишминцев подчёркивает роль элиты в появлении и формировании современного массового человека. Эти идеи наиболее конструктивны, так как они подтверждают заявленный исследователем принцип о двойственной природе человека. Потребность массы в единомыслии, за которую её критикуют, в действительности воспитывается самой элитой, творческими людьми, поскольку, как справедливо утверждает исследователь, любое нововведение нуждается в подражании, заимствовании, чтобы укорениться. К тому же, человек элитарный порождается и контролируется в определённых пределах массой, без которой он не сможет существовать. Массовый человек в современном обществе при всей его эгоистичности жертвует своими частными интересами в пользу общего дела, что говорит о его способности к совершенствованию и самопожертвованию.

Таким образом, можно сказать, что представленный философско-антропологический и социально-психологический портрет современного массового человека нельзя отнести к какому-то одному максималистскому дискурсу — оптимистическому или пессимистическому, и в этом его продуктивность. Вопрос о возможностях обретения свободы, творческих способностей, прорыва в постижении задач своего подлинно человеческого бытия остаётся для массового индивида открытым.

Исследователь проблем современного российского общества Ж. Т. Тощенко выделяет такой особый тип человека, живущего в транзитивном обществе и переживающего ценностный вакуум, как тип «парадоксального человека» [8]. По его мнению, в российском обществе родилось и умножается уникальное явление — парадоксальный человек, установки и поведение которого олицетворяют противоречие, возникшее внутри общества, в реальной жизни людей.

Понятие парадокса, означающее странное, расходящееся с общекультурным суждением, противоречит здравому смыслу и кажется невероятным. Парадокс может представлять из себя процесс, результат которого противоречит первоначальному замыслу. Парадоксальность, по мнению автора, становится актуальной для переходного общества, каким является российское общество. Это объясняется тем, что на смену прежней системе ценностей приходит иная. Процесс смены ценностных представлений не может совершиться в одночасье, поэтому параллельно и пересекаясь друг с другом существуют не только традиционные верования, постулаты, нормы и т. д., но и возникающие новые. Однако объём таких взаимоисключающих феноменов имеет тенденцию к нарастанию, а сами феномены проявляют себя в сознании и поведении человека.

При этом исследователь обращает наше внимание на то, что парадоксальность общественного сознания есть новый класс явлений, которые ранее не фиксировались или на которые не обращалось должного внимания. Знание о парадоксах было в основном связано с теоретическим отношением к действительности и осмысливалось в парадигме теории познания (достаточно вспомнить апории Зенона Элейского и антиномии И. Канта). Что же касается парадоксов, возникающих в реальной общественной жизни, то они не рассматривались.

Парадоксальный человек, о котором пишет Ж. Тощенко, обнаруживает парадоксальность своего поведения и сознания таким образом, что, декларируя одни жизненные идеалы, он в действительности реализует им противоположные или другие. Таким образом, человек громогласно заявляет и пишет об одних ценностях и целях, а в практической жизни им не следует. Не всегда понятно, каким образом в одном и том же человеке одновременно укореняются взаимоисключающие ориентиры. Такая личность не замечает парадоксов своих реальных поступков, действий и суждений.

Ж. Тощенко отмечает, что острота проблемы состоит в том, что парадоксальность в поведении и в установках принимает массовый характер. Она характерна как для социальных групп и всего общества, так и для одного человека. Взаимоисключающие суждения и ориентации уживаются в сознании одних и тех же людей. Соединение несоединимого, совпадение несовпадающего указывает на то, что в сознании человека переплетаются злонамеренность и самоотверженность, консерватизм и креативность, рабская зависимость и анархизм. В одно и то же время человек проявляет стремление достичь одновременно взаимоисключающих результатов, освоить территории, которые находятся в противоположных направлениях.

Парадоксы общественного сознания в экономической, экологической, политической, нравственной и других сферах исследуются автором как реальные действия людей. Происходит кардинальная переориентация сознания, особенно молодёжи, на потребительские ценности.

Для российского общества особенно явными выглядят парадоксы исторического и правового сознания. Все граждане российского общества высказываются за необходимость построения правового, демократического государства, в котором все люди — от рядового до президента — были бы равны перед законом. В то же время в обществе на телевизионном экране господствует воровское шоу. Практически все каналы телевидения рекламируют в телевизионных фильмах героев-бандитов, криминальный образ жизни, блатной воровской жаргон. Такой же парадоксальностью отличается, например, религиозное сознание. Повальное обращение массы, ранее настроенной в основном атеистично, к религии внушает не надежду на лучшее, а, скорее, опасение, тем

более что вновь обращённые «верующие» сочетают свою веру с языческими и различными нетрадиционными представлениями.

Традиционное понятие о справедливости в российском массовом сознании уже не тождественно уравниловке. В то же время социальное расслоение становится угрозой для молодой российской демократии. Однако мобилизационный потенциал общественного запроса на справедливость, по мнению исследователя, не велик и адресован в основном к власти. Само же содержание справедливости россияне не сводят к диспропорциям в материальном статусе, а связывают с невозможностью достижения успеха и материального достатка с помощью легальных средств, одобряемых обществом. Если ты богат, то мораль в таком случае остаётся для нищих. Главный же сдвиг, происшедший в сознании, о котором говорит учёный, заключается в том, что справедливость перестала оцениваться людьми как возможность достижения солидарности, которая может возникнуть в борьбе всех людей за установление справедливости. Таково же отношение парадоксального человека и к свободе. Понимание свободы не только своё у каждого россиянина, но и являет собой сложный узел взаимоисключающих друг друга понятий. Нередко свобода отождествляется с необходимостью осуществлять любое желание: «что хочу, то и ворочу», с нигилизмом и цинизмом.

Выводы. Панорама представленных парадоксов даёт возможность увидеть целостную парадоксальную картину действительности российского общества.

Какое же место занимает интеллигентный человек в этой череде парадоксов? Ж. Т. Тощенко показывает, что сам статус интеллигента парадоксален. Интеллигенция была той социальной группой, которая наиболее активно поддержала реформы, необходимость перемен в российском обществе в 90-е годы. В то же время значительная часть интеллигенции оказалась на обочине транзитивного общества, пытающегося осуществить модернизацию. Лишь незначительная часть интеллигенции смогла адаптироваться в резко изменившейся ситуации, чтобы продолжать заниматься творческим трудом. Однако можно ли её считать по традиции интеллигенцией? Скорее, она вписывается в класс креаторов, создающих инновационные продукты, обеспечивающих приращение знания с его последующей реализацией и получающих высокий доход. Эта часть интеллигенции тесно связана с экономической сферой и успешно преодолевает узкие горизонты заботы о хлебе насущном, поэтому для неё вопрос о подвижничестве, бессребреничестве не актуален.

Таким образом, российская действительность предстаёт как переполненная реальными противоречиями, проявляющимися в парадоксальности сознания человека, переживающего бесконечные трансформации общества, в котором он живёт. Свобода выражения человеком своей субъективности нередко оборачивается для него ловушкой. Он порой не просто бежит от свободы, но перестаёт делать свой собственный выбор, завершает своё бытие с помощью новых инструментов: конформизма и апатии к социальному бытию. Исследование социальных типов личности имеет прямое отношение к модернизации России, так как без активного участия населения она не может реализоваться.

Выводы проведённого анализа могут служить обоснованием разработки ценностно-значимых идеологем, помогающих гражданам преодолеть социокультурный кризис.

Библиографический список

1. Гроф, С. Революция сознания / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел. — Москва: АСТ и др., 2004. — 248 с.
2. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социологические исследования. — 1992. — № 3. — С. 91—96.
3. Беседа с Клодом Леви-Строссом Константина фон Барлевски и Галлы Наумовой // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 66—79.

4. Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. — Москва: Едиториал УРСС, 2005. — 352 с.
5. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. — Москва: Прогресс-традиция, 2004. — 544 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы: пер. с англ. / Э. Фромм; под общ. ред. П. С. Гуревича. — Москва: Прогресс, 1995. — 256 с.
7. Шишминцев, А. Н. Философское постижение современного массового человека / А. Н. Шишминцев. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 187 с.
8. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. — Москва: ЮНИТИ, 2008. — 543 с.

Материал поступил в редакцию 08.12.2011.

References

1. Grof, S. Revoluciya soznaniya / S. Grof, E. Laslo, P. Rassel. — Moskva: AST i dr., 2004. — 248 s. — In Russian.
2. Merton, R. Social'naya struktura i anomiya / R. Merton // Sociologicheskie issledovaniya. — 1992. — # 3. — S. 91—96. — In Russian.
3. Beseda s Klodom Levi-Strossom Konstantina fon Barlevski i Gally` Naumovoj // Voprosy` filosofii. — 2009. — # 5. — S. 66—79. — In Russian.
4. Kostina, A. V. Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva / A. V. Kostina. — Moskva: Editorial URSS, 2005. — 352 s. — In Russian.
5. Fedotova, V. G. Xoroshee obshchestvo / V. G. Fedotova. — Moskva: Progress-tradiciya, 2004. — 544 s. — In Russian.
6. Fromm, E. Begstvo ot svobody: per. s angl. / E. Fromm; pod obshh. red. P. S. Gurevicha. — Moskva: Progress, 1995. — 256 s. — In Russian.
7. Shishmincev, A. N. Filosofskoe postizhenie sovremennogo massovogo cheloveka / A. N. Shishmincev. — Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. — 187 s. — In Russian.
8. Toshhenko, Zh. T. Paradoksal'ny`j chelovek / Zh. T. Toshhenko. — Moskva: YUNITI, 2008. — 543 s. — In Russian.

SOCIAL TYPES IN TRANSITIVE SOCIETY

S. N. Yaremenko, T. A. Bondarenko, E. G. Kurova

(Don State Technical University)

Some sociocultural and social-psychological personality characteristics in the transitive society are analyzed. The effect of such determinants as apathy and vacuum on the human behaviour is shown. The characteristics of 'mass man', 'resting man', 'paradoxical man' are presented.

Keywords: reason for being, apathy, conformism, social type.